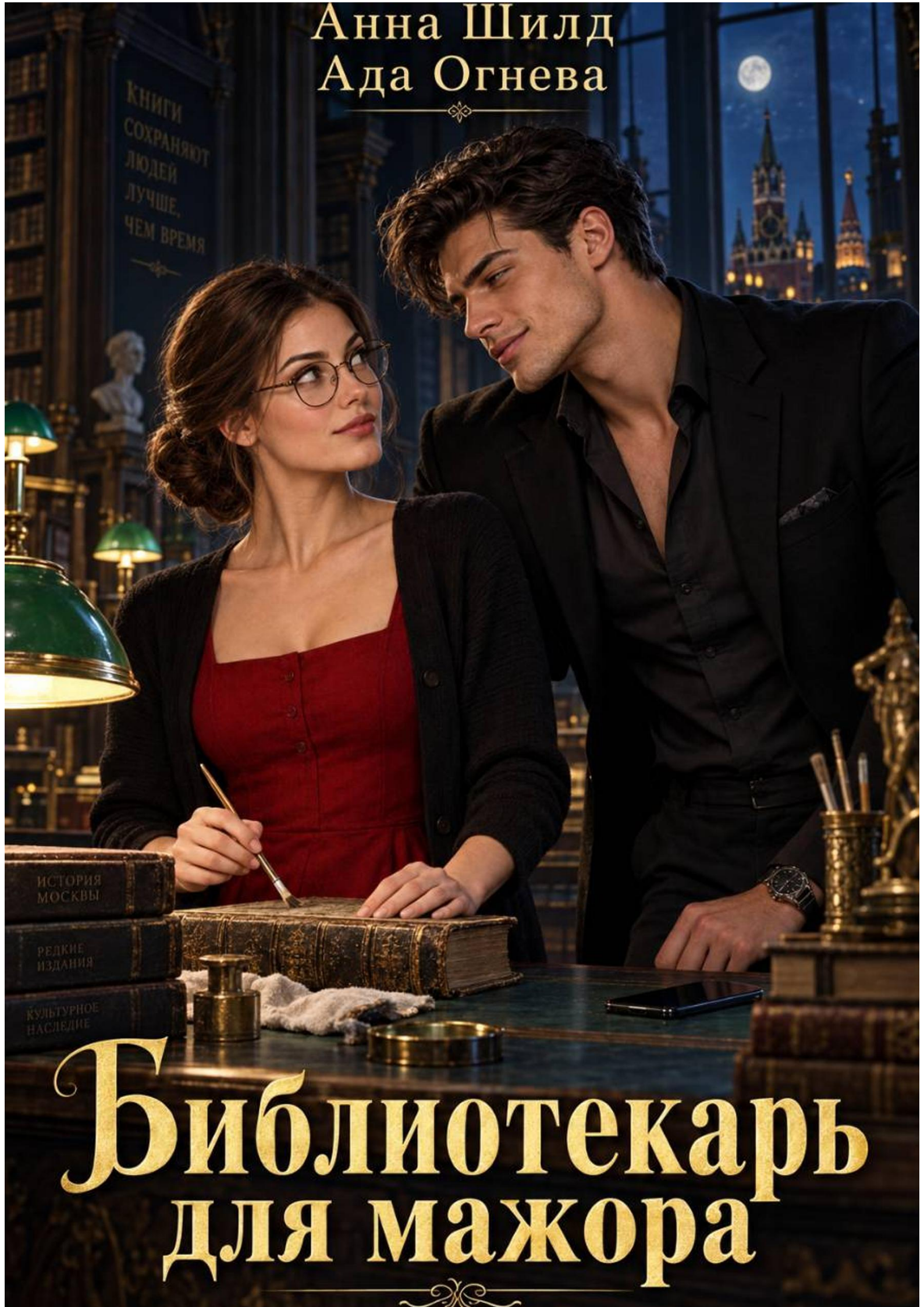

Анна Шилд
Ада Огнева

Библиотекарь для мажора

Ада Огнева

Библиотекарь для мажора

«Автор»

«Автор»

2026

Огнева А.

Библиотекарь для мажора / А. Огнева — «Автор», «Автор»,
2026

Софья Лебедева охраняет тишину редких книг. Никита Беркутов врывается в библиотеку в золотом халате и с уверенностью, что ради просмотров ему позволено всё. Софья ставит блогера на место прямо перед камерой. Теперь самоуверенному мажору приходится стать волонтером в её фонде: таскать тяжести, слушать замечания и обнаруживать, что у библиотекарши есть вещи пострашнее строгого взгляда. Например, равнодушие к его обаянию. Никита всё ещё считает происходящее игрой. Но у его спора появляются последствия, которых не спрячешь даже самым удачным монтажом.

© Огнева А., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	19
Глава 5	23
Глава 6	27
Глава 7	32
Глава 8	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Анна Шилд

Библиотекарь для мажора

Библиотекарь для мажора

Анна Шилд

Ада Огнева

Глава 1

В читальном зале на Воздвиженке тишина обладала собственным весом. Она копилась под лепными сводами десятилетиями, оседала на корешках сафьяновых переплетов, пропитывала сукно столов и пахла сухой вековой пылью, воском и лавандовым мылом, которым я всегда мыла руки перед работой с раритетами семнадцатого века. Здесь любой посторонний звук казался святотатством. Даже шелест плотной тряпичной бумаги при перелистывании страниц отзывался легким вздохом, а стук каблуков по наборному дубовому паркету заставлял читателей вздрагивать и поднимать головы от раскрытых томов.

Я сидела за высокой служебной конторкой из мореного дуба, выравнивая стопки каталожных карточек. Тонкие белые нитяные перчатки сидели на пальцах плотно, не стесняя движений. На носу привычно покоилась круглая винтажная оправа, сквозь стекла которой мир выглядел предельно четким, упорядоченным и защищенным от глупостей внешнего мира. Серый шерстяной кардиган согревал плечи. В зале царил прохладный полумрак, рассекаемый лишь изумрудными пятнами света от тяжелых латунных ламп с зелеными стеклянными колпаками.

Напротив меня, за третьим столом, седой профессор в роговых очках бережно водил увеличительным стеклом по рукописному списку Соборного уложения. Чуть дальше студентка исторического факультета затаила дыхание над пожелтевшей гравюрой. Настенные часы в резном деревянном футляре отмеривали полдень тяжелыми, размеренными ударами маятника.

Покой рухнул без предупреждения.

Тяжелые дубовые двери главного входа с оглушительным грохотом распахнулись, со звоном ударившись о латунные напольные стопоры. Звук разорвал тишину зала подобно пушечному выстрелу. Профессор вздрогнул всем телом, выронив лупу прямо на зеленое сукно, а студентка испуганно прижала ладони к груди.

В святилище редких рукописей ввалилась шумная толпа.

Впереди шествовал рослый парень в длинном золотистом шелковом халате с кричащей вышивкой и блестками, накинутом поверх черных узких джинсов и массивных белых кроссовок с кислотно-неоновой подошвой. В вырезе халата виднелась майка с вызывающей надписью, а на шее покачивалась толстая цепочка. В правой руке незнакомец победоносно сжимал длинную телескопическую палку, на верхушке которой был закреплен тонкий черный смартфон. Маленький красный огонек на корпусе аппарата мерцал, сигнализируя о включенном прямом эфире.

Следом за ним семенил щуплый ассистент с высокой алюминиевой треногой, на которой пылала огромная кольцевая лампа. Резкий, безжалостный холодный свет ударил по вековым стеллажам, мгновенно убивая мягкий изумрудный полумрак. Замыкал процессию широкоплечий парень в темной куртке с массивной профессиональной видеокамерой на плече.

— Здорово, чат! — разнесся под лепным потолком зычный, поставленный баритон парня в золотом халате. Голос звучал настолько громко, словно мы находились посреди футбольного стадиона во время финала кубка. — Вы просили дичи? Вы хотели увидеть, как турецкий султан берет штурмом самое тихое болото столицы? Мы на месте! Перед нами логово книжных червей, и прямо сейчас я найду главную королеву этого пыльного царства!

Он двинулся по центральному проходу широким, развязным шагом хозяина жизни, размахивая телефоном на шесте перед лицами онемевших посетителей.

— Потише, мужчина! — прошипел профессор, поднимаясь со стула с дрожащими от возмущения губами. — Вы с ума сошли? Здесь научный зал! Здесь работают с документами государственной важности!

— Расслабься, дедуля, лови волну контента! — бросил наглец через плечо, даже не повернув головы. — Чат, ставьте огоньки, сейчас султан покажет мастер-класс по соблазнению музейной реликвии!

Карточка с шифром рукописи осталась у меня между пальцами. Я спрятала ее в ящик: еще вздумает выхватить для своего спектакля. От злости даже кончики ушей похолодели. За пять лет работы в фонде редких книг я видела разных посетителей — чудаковатых академиков, нервных коллекционеров, дотошных аспирантов. Но этот субъект превосходил все мыслимые пределы человеческой наглости.

Под конторкой, прямо под подошвой моей правой туфли, находилась скрытая латунная педаль. О ней знали только штатные хранители и комендант здания. Я плавно, без единого лишнего движения корпуса, перенесла вес тела на пятку и до упора вдавила металлическую пластину в пол. Под ковром беззвучно сработал пружинный механизм, отправив тревожный сигнал на пульт дежурной смены ведомственной охраны.

Тем временем парень в золотом халате уже приблизился к моей конторке. Его лицо, холерное, загорелое и дьявольски уверенное в собственной неотразимости, расплылось в широкой, отпетированной перед зеркалом белозубой улыбке. Темные глаза с вызовом уставились на меня сквозь мои круглые очки.

— О драгоценная жемчужина каталожных ящиков! — провозгласил он, картинно прижав свободную ладонь к сердцу и склонив голову в шутовском поклоне. — О неприступная султанша архивных дебрей! Твой повелитель прибыл, чтобы вызволить тебя из плена заплесневелых страниц! Взгляни на меня, отложи свои серые бумажки и скажи в микрофон, о чем мечтает одинокая девушка среди вечной пыли?

Ассистент подскочил сбоку, щелкая телескопическими замками штатива, и развернул кольцевую лампу прямо мне в лицо. Ослепительный белый круг вспыхнул перед глазами, заставив меня прищуриться.

— Уберите осветительный прибор, — произнесла я предельно тихо и сухо. Мой голос не дрогнул ни на йоту. — Вы нарушаете световой и температурный режим хранения раритетных документов особой государственной ценности.

— Слышали, пацаны? — заржал парень, поворачивая смартфон к своему лицу, чтобы поймать нужный ракурс вместе со мной на заднем плане. — Она переживает за режим! Красотка, расслабься, у нас миллион зрителей онлайн! Улыбнись в камеру, подари султану свой номер телефона, и я сделаю тебя звездой сегодняшнего вечера!

Он перегнулся через полированный барьер конторки, сокращая дистанцию до непозволительных сорока сантиметров. От него пахло дорогим мужским одеколоном с нотами сандала, крепким кофе и той безграничной, слепой самоуверенностью, которая бывает только у сыновей очень богатых родителей.

— Предупреждаю последний раз, — сказала я. Он подался еще ближе, ожидая крика, и я заставила его слушать мой шепот. — Немедленно прекратите съемку и покиньте помещение.

— А то что? — он оскалился, явно упиваясь ситуацией и предвкушая взрыв комментариев в своем телефоне. — Пожалуйтесь древнерусским летописцам? Вызовешь дух Ивана Грозного?

Договорить он не успел.

Боковая служебная дверь с мягким щелчком распахнулась, и в зал бесшумными, тяжелыми шагами вошли двое сотрудников охраны в темно-синей униформе со специальными знаками различия. Старший смены, плечистый ветеран с седыми усами по фамилии Кузьмин, оценил обстановку за доли секунды.

— Всем оставаться на своих местах, — отчеканил Кузьмин голосом, не допускающим возражений. — Руки от стоек убрали.

Ассистент с лампой испуганно пискнул и попытался сделать шаг назад, но Кузьмин железной хваткой перехватил его запястье. Парень в золотом халате резко развернулся, не желая терять выгодный ракурс трансляции. В панике пытаясь удержать смартфон на вытянутом шесте и одновременно увернуться от второго охранника, он дернулся вбок и со всего размаха налетел спиной на массивный угловой шкаф генерального каталога из темного дуба.

Раздался сухой, оглушительный треск.

Выдвинутая секция телескопической палки не выдержала удара о резной деревянный карниз девятнадцатого века. Тонкий алюминий сжался гармошкой, пластиковый зажим лопнул, и тяжелый смартфон полетел вниз. В ту же секунду тренога выскользнула из ослабевших пальцев ассистента. Кольцевая лампа с жалобным металлическим звоном рухнула на полированный паркет, и белый пластиковый круг разлетелся на десяток острых дребезжащих осколков.

В зале повисла мертвая, звенящая тишина.

Второй охранник ловко заломил правую руку парня за спину, прижав его грудью к дубовой филенке каталожного шкафа. Золотистый шелк халата задрался, обнажив темную майку. Лицо любимца публики перекошилось от боли и дикой, бешеной ярости. Щеки его мгновенно залила пунцовая краска уязвленной гордости.

— Вы что творите, уроды? — взвыл он, дергаясь всем телом в железных тисках охранника. — Отпустили меня быстро! Вы хоть представляете, сколько стоит это оборудование? Вы знаете, кто мой отец? Моя фамилия Беркутов! Мы сотрем вашу богадельню в порошок! Я вас всех по судам затаскаю, нищими останетесь!

Единственным человеком из его команды, кто сохранил полное хладнокровие, оказался оператор с профессиональной камерой. Парень даже не моргнул. Он мягко сместился влево, удержал баланс и продолжал непрерывно снимать происходящее крупным планом, фиксируя каждую секунду крушения своего начальника.

Я поднялась со стула. Оператор повернул камеру ко мне — прекрасно, пусть запишет и ответ. Подойдя к краю конторки, я стянула с пальцев белые перчатки, аккуратно сложила их пополам и положила на зеленое сукно рядом со стопкой инвентарных описей. Затем сделала два шага вперед, приблизившись к объективу видеокамеры.

Шепот в таких залах всегда звучит отчетливее любого крика. А мой шепот сейчас обладал остротой хирургического скальпеля.

— Молодой человек, — произнесла я, глядя прямо в перекошенное от злости лицо Беркутова. Мои слова разносились под лепными сводами, падая в тишину подобно тяжелым свинцовым каплям. — Ваш словарный запас заметно уступает даже словарю небезызвестной людоедки Элочки, а судя по манере держаться и строить фразы, последней прочитанной вами книгой была инструкция к освежителю воздуха. Ваши подписчики пропусков сюда не выдают. Еще одна такая выходка — и вы будете обсуждать ее с полицией, а доступ в фонд вам закроют. Читать классиков вам уже поздно. Мышление сформировалось на уровне рекламного ролика. Но толковый словарь Даля я бы вам настоятельно рекомендовала полистать на досуге. Хотя бы ради картинок.

Из глубины анфилады донесся тяжелый, торжественный шорох толстой шерстяной шали. На пороге зала выросла монументальная фигура Тамары Ильиничны, заведующей нашим сектором. Ее седые бровки колыхнулись, а тяжелый, свинцовый взгляд из-под строгих бровей пригвоздил незадачливого визитера к полу окончательно. Тамара Ильинична молча, царственно кивнула мне, одобряя каждое произнесенное слово.

За столами послышались сдавленные смешки. Профессор с облегчением поднял свою лупу и демонстративно отвернулся к рукописи.

— Охрана, — добавила я, надевая очки чуть плотнее на переносицу. — Проводите гражданина к выходу на Воздвиженку. А его свиту задержите: пусть тщательно соберут обломки своего дешевого пластика. Нашему паркету противопоказан мусор.

— Ты пожалеешь об этом, очкастая! — прохрипел Беркутов, пока дюжие охранники вели его под локти к широким дверям, волоча подола золотого халата по полу. — Ты у меня на коленях прощения просить будешь! Я тебя из-под земли достану!

— Всего доброго, господин Беркутов, — холодно отозвалась я, поворачиваясь спиной к процессии. — Не забудьте вернуть халат в костюмерную цирка.

Тяжелые двустворчатые двери захлопнулись за Беркутовым с глухим, окончательным стуком. Охранник Кузьмин вернулся через минуту с веником и совком, аккуратно сметая остатки кольцевой лампы, пока ассистент блогера на четвереньках подбирал уцелевший телефон.

В зале снова воцарилась прежняя священная тишина. Я натянула белые перчатки, опустилась в свое деревянное кресло и взяла перо, чтобы продолжить сверку шифров рукописи.

ного свода. Мир снова встал на свои привычные места. По крайней мере, именно так я наивно полагала в ту пятницу.

Глава 2

Утро субботы встретило меня редким для середины осени ясным солнцем. Косые золотистые лучи пробивались сквозь высокие арочные окна реставрационной мастерской, высвечивая медленно кружащиеся в воздухе пылинки. В мастерской царил мой любимый запах — сложный, теплый букет из сваренного накануне пшеничного крахмального клейстера, натуральной кожи растительного дубления, сухого картона и свежемолотого кофе, который я заваривала в своей любимой керамической кружке лавандового оттенка.

Я сидела за широким столом из светлого ясеня. На мягкой войлочной подложке покоился ветхий французский трактат конца восемнадцатого века. Корешок книги разошёлся от времени, и теперь я тончайшей беличьей кистью наносила укрепляющий состав на льняные нити старинного блока, наслаждаясь каждым миллиметром ювелирной, кропотливой работы. Здесь не существовало спешки. Здесь властвовало великое время, текущее сквозь столетия, далекое от мелочной суеты секунд.

Идиллия растаяла в девять сорок пять.

Дверь мастерской распахнулась с таким напором, словно в коридоре началось наводнение. На пороге возникла Кира, моя давняя институтская подруга и по совместительству главный дизайнер всех выставочных проектов нашей библиотеки. Волосы у нее растрепались, шарф съехал набок, а глаза горели лихорадочным, безумным огнем. В вытянутой руке она сжимала светящийся экран своего смартфона.

— Лебедева! — выдохнула она прямо с порога, едва не споткнувшись о чугунный пресс для опрессовки переплетов. — Ты хоть понимаешь, что ты натворила? Ты вообще в интернет сегодня заглядывала?

Я довела мазок до конца, хотя Кира уже трясла телефоном над столом. Еще миллиметр — и можно было положить кисть.

— Доброе утро, Кира, — произнесла я, прикрывая блок от сквозняка ладонью. — Если ты пришла сообщить, что утвердили смету на реставрацию гравюр петровской эпохи, то это прекрасная новость. Если же по какому-то иному поводу, то закрой дверь плотнее. Сквозняк сушит клей.

— Какая смета, Соня! — Кира подлетела к моему столу и с размаху сунула телефон прямо между моей кружкой и старинным французским фолиантом. — Ты в главных трендах всех столичных каналов! Ты взорвала сеть! Четыре миллиона просмотров меньше чем за сутки! Тебя репостят все городские паблики, от студенческих мемов до аналитических изданий!

Я поморщилась, осторожно отодвигая чашку с кофе подальше от вибрирующего устройства, чтобы ни одна случайная капля не попала на старинные страницы. На темном стекле экрана мелькали знакомые кадры.

Качество видеозаписи оказалось безупречным. Тот самый широкоплечий оператор, который не опустил камеру даже в момент потасовки, смонтировал материал с дьявольским профессионализмом. На экране крупным планом возникло перекошенное, пунцовое лицо Беркутова, заломленная за спину рука в шелковом золотом халате и треск сминающейся об дубовый шкаф телескопической палки. А затем в кадр входила я — спокойная, строгая, в винтажных круглых очках, медленно снимающая белые нитяные перчатки. Мой ледяной шепот про людоедку Эллочку, освежитель воздуха и картинки в словаре Даля звучал кристально четко, без малейших шумов.

Под роликом бежали сотни тысяч комментариев. Строчки мелькали с пугающей скоростью. Люди соревновались в язвительности, придумывали хэштеги и растаскивали мои слова на цитаты. «Султана отправили в ссылку в алфавитный каталог», «Библиотекарша года против золотого мальчика», «Беркутову выписали абонемент в первый класс».

Кира сияла так, будто выиграла в государственную лотерею главный приз.

— Ты понимаешь, что ты сделала? — тараторила подруга, размахивая руками. — Беркутов — не просто блогер. Он главная медийная звезда среди столичной золотой молодежи! Его отец держит половину кабельных сетей и стриминговых платформ страны. Никите никто и никогда в жизни слова поперек не смел сказать. Все девицы вокруг него на цыпочках ходят, спонсоры контракты наперебой суют, а ты его размазала ровным слоем по паркету перед камерой его же собственного оператора! Это же абсолютный триумф здравого смысла!

Я аккуратно промыла кисточку в баночке с дистиллированной водой, промокнула волоски о льняную салфетку и сделала глоток остывающего кофе.

— Кира, — произнесла я с тихим вздохом. — Инфузории под микроскопом тоже совершают хаотичные телодвижения, если капнуть в воду каплю кислоты. Но ученые не посвящают их пляскам свое свободное время. Этот субъект нарушил тишину научного зала, повредил инвентарь и попытался превратить государственное хранилище в дешевый балаган. Охрана

вывела его, читатели вернулись к работе. Этого я и добивалась. На этом инцидент исчерпан. Убери телефон в карман. У меня сохнет форзац.

— Ну какая же ты непробиваемая сухая скала, Лебедева! — простонала Кира, но телефон все-таки спрятала. — Тебя сейчас полстраны боготворит, а ты думаешь про сухой форзац!

Тогда, в субботу утром, я была абсолютно уверена в своей правоте. Я искренне считала, что наглый паяц в золотом халате исчез из моей жизни навсегда, получив заслуженный урок и поджав хвост.

Я глубоко ошибалась.

О том, что произошло той же ночью, я узнала гораздо позже. Спустя месяц та роковая аудиозапись разорвала мою жизнь на части, выставив каждое мгновение нашей странной близости на всеобщее посмешище. Но если бы я могла заглянуть сквозь километры московских улиц в ту субботнюю полночь, я бы увидела, как в темных глубинах ночного клуба запускается чудовищный механизм мести.

Клуб на Болотной набережной гудел подобно растревоженному металлическому улью. Плотные, низкие басы сотрясали толстые панорамные стекла закрытой вип-ложи на втором ярусе. Воздух в помещении был густым и тяжелым от дорогого табачного дыма, терпких элитных духов, пролитого бурбона и раскаленного жара неоновых светильников.

На огромную плазменную панель над кожаными диванами ложи Макс, главный соперник и закадычный приятель Беркутова по стриминговой арене, вывел тот самый ролик из библиотеки. Зацикленный фрагмент крутился по кругу без звука. Мое лицо крупным планом сменялось падением разбитой кольцевой лампы и бессильной яростью на лице заломленного охранный блогера.

В ложе собралась вся верхушка молодежной медийной тусовки столицы. Модели с безупречными улыбками, популярные стримеры, создатели вирусных шоу и продюсеры заливались пьяным, громким хохотом. В центре восседал сам Макс, вальяжно закинув ноги на низкий стеклянный столик и потягивая янтарный напиток из граненого стакана.

Дверь распахнулась, и в ложу вошел Никита. На нем не было шутовского золотого халата. Темно-серая рубашка с расстегнутым воротом сидела безупречно, но лицо Беркутова казалось темнее грозовой тучи. Глаза горели недобрым, воспаленным блеском, а челюсти были сжаты так плотно, что под кожей ходили желваки.

Толпа встретила его дружным свистом и язвительными выкриками.

— О, султан пожаловал! — заржал кто-то с дальнего дивана. — Никитос, где твой гарем из каталожных шкафов?

— Дай автограф словарю Даля, Беркутов! — подхватил второй стример под визг своей спутницы. — Чат требует прямое включение из читального зала!

Никита прошел сквозь строй насмешек, не сказав ни слова. Он тяжело опустился в глубокое кресло напротив Макса, сгреб с подноса стакан с ледяной минеральной водой и сделал несколько судорожных глотков.

Макс медленно опустил ноги на пол и наклонился вперед, щуря узкие, цепкие глаза хищника, почуявшего чужую слабость.

— Ну что, король охватов, — протянул Макс с ядовитой, медовой улыбкой. — Говорят, твой генеральный спонсор с утра оборвал телефоны моему продюсеру. Не хотят они продлевать контракт с мальчиком, которого строгая библиотекарша в очках оттаскала за уши перед миллионной аудиторией. Ты ведь у нас позиционировался как несокрушимый альфа-самец. Покоритель женских сердец. А оказалось, твои дешевые трюки работают только на недалеких девиц с Патриарших прудов, готовых за подаренную сумку на задних лапках скакать. А перед нормальной, умной девчонкой ты — круглое пустое место с грудой мятого пластика.

Лед в стакане Никиты жалобно звякнул. Пальцы блогера побелели от напряжения.

— Она не нормальная девчонка, — процедил Беркутов глухим, вибрирующим от сдерживаемой ярости басом. — Она застегнутая на все пуговицы музейная мумия. Замороженный робот с цитатами вместо мозгов.

— Да ладно тебе оправдываться, — Макс нарочито громко рассмеялся, привлекая внимание всей ложи. — Признай, Никитос, ты просто сдулся. С этой очкастой интеллектуалкой тебе ловить нечего. Она тебя презирает. Ты для нее пыль под подошвой. И ты в жизни не сможешь заставить ее взглянуть на тебя иначе, чем на циркового клоуна.

— Думаешь, не смогу? — прорычал Никита, подавшись вперед всем корпусом. Его темные глаза налились опасным огнем. — Если бы мне захотелось, эта зазнайка через три недели смотрела бы мне в рот и умоляла о встрече!

— Пустой треп, — Макс покачал головой, наслаждаясь каждым мгновением чужого бешенства. — Ты слабак, Беркутов. Ты умеешь побеждать только там, где можно заплатить папиными деньгами. А здесь твои миллионы не сработают. Тебя вышвырнули как щенка, и ты утерся.

Это был расчетливый, точный удар по самому больному месту. Уязвленное самолюбие, подогретое выпитым еще до приезда алкоголем, насмешками тусовки и страхом потерять медийный статус, окончательно отключило остатки здравого смысла.

Никита сунул руку во внутренний карман куртки.

На полированное стекло столика с глухим, тяжелым стуком упала массивная связка ключей с брелоком из матовой стали и карбона. На металле отчетливо виднелся гравированный силуэт хищной птицы.

Музыка в ложе словно стала тише. Смех смолк. Все взгляды приковало к связке.

— Мой катер, — отчетливо, отдельно произнес Никита, глядя прямо в глаза Макс. — Итальянский скоростной зверь. Восемьсот лошадиных сил, каюта из белой кожи. Двенадцать миллионов рублей чистой стоимости. Стоит на причале яхт-клуба в Серебряном Бору. Ставлю его против твоего миллиона наличными на то, что эта очкастая гордячка будет безумно влюблена в меня без памяти.

По ложе прокатился тихий, благоговейный шепот. Ставка оказалась безумной даже для избалованной столичной публики.

Лицо Макса на секунду дрогнуло от изумления, но в следующую долю секунды в его взгляде вспыхнул хищный, алчный азарт. Он молча расстегнул поясную кожаную сумку, достал оттуда увесистую банковскую упаковку пяти тысячных купюр в плотной бумажной ленте и с размаху бросил рядом с ключами от катера.

— Принято, — сказал Макс, понизив голос. — Но правила будут железными, Никита. Никаких подкупов. Никаких дорогих подарков через курьеров, никаких взяток руководству библиотеки и попыток купить ее внимание бриллиантами. Ты покоряешь эту неприступную крепость сам, своими силами. Срок — ровно тридцать дней, начиная с понедельника.

— Согласен, — жестко бросил Никита.

— И самое главное условие, — Макс прищурился, чеканя каждое слово. — Финал. Ты должен добыть ее чистосердечное, искреннее голосовое признание в любви. Никакой фальшивки, никаких пустых шуток. Только настоящие слова влюбленной дуры. И мы включим это аудиосообщение в прямом эфире нашего совместного стрима на всю страну. Если через тридцать дней признания не будет, ключи от катера переходят ко мне, а ты на глазах у полутора миллионов зрителей объявляешь меня безоговорочным королем отечественного интернета. По рукам?

Глава 3

Диктофон Макса работал с самого прихода Никиты. Теперь он нарочито небрежно положил свой черный смартфон на край стола, прямо возле пачки денег, стеклом вниз. Экран он прикрыл на долю секунды позже, чем следовало.

У входа в ложу, прислонившись к дверному косяку с банкой газировки, стоял оператор Влад. Он мгновенно заметил бегущую дорожку записи и насторожился. Шагнув вперед, Влад тронул Никиту за напряженное плечо.

— Никита, тормози, — негромко, но твердо шепнул оператор на ухо блогеру. — Это грязная игра. Он пишет каждое твое слово на диктофон. Это классическая подстава, тебя загоняют в угол, потом не отмоешься.

Беркутов в слепом угаре азарта и злости лишь грубо смахнул руку оператора со своего плеча.

— Отвали, Влад! — рявкнул он. — Я знаю, что делаю. Она будет моей, понятно вам всем? В понедельник я вернусь в это книжное болото, и эта зазнайка сама приползет ко мне с открытым ртом!

Никита протянул руку над столом. Макс с торжествующей, плотоядной ухмылкой перехватил его ладонь, скрепляя договор крепким рукопожатием.

Капкан захлопнулся. На кон было поставлено имущество ценой в состояние и остатки человеческого достоинства. А на скрытом диктофоне Макса уже сохранилась каждая циничная фраза, каждое оскорбительное слово, брошенное в мой адрес среди звона бокалов и клубного дыма.

Я ничего этого не знала.

В ту субботнюю ночь я спала в своей маленькой уютной квартире на Новокузнецкой, укутавшись в шерстяной плед и слушая мерный шум дождя за стеклом. Мне снились старин-

ные фолианты, шелест сухих страниц и абсолютная, чистая тишина. До понедельника оставалось чуть больше суток.

В понедельник в десять утра привычный ритм нашей библиотеки подвергся второму испытанию.

Начало недели в секторе редких книг всегда отличалось особой, сосредоточенной строгостью. Читатели приходили к открытию, чинно предъявляли пропуски, получали заказанные с пятницы архивные папки и рассаживались по своим местам. Воздух прогревался медленно, пахло остывшим дубовым паркетом, свежей типографской краской утренних газет и легким сквозняком из вентиляционных решеток под лепными карнизами.

Я находилась в зале алфавитных каталогов, раскладывая новые библиографические карточки по узким выдвижным ящикам. Я находила нужную секцию раньше, чем успевала дочитать фамилию на карточке. Каждый плотный картонный прямоугольник ложился строго на свое место, пополняя бесконечный бумажный лабиринт человеческой мысли.

О том, что происходило внизу, в цокольном этаже у бюро записи, мне позже в красках поведала наша гардеробщица Нина Петровна, женщина кремлевской закалки, перед которой робели даже доктора наук.

Никита Беркутов прибыл в библиотеку без свиты, без оператора и без своего кричащего золотистого халата. Он приехал на обычном желтом такси эконом-класса, оставив дерзкий спортивный автомобиль в подземном гараже. Парень из всех сил старался слиться с академической средой. На нем было строгое темно-серое пальто из добротной шерсти, аккуратные черные брюки и мягкий кашемировый джемпер графитового оттенка с глухим круглым воротом. Никаких массивных золотых цепей, никаких неоновых кроссовок. Избалованный любитель интернета пытался прикинуться прилежным аспирантом гуманитарного института.

Но цитадель академической строгости встретила его жесткими испытаниями на первом же рубеже.

В гардеробе Нина Петровна наотрез отказалась принимать его кашемировый шарф отдельно от пальто, строго потребовав вдеть шерстяное полотно в рукав. Когда Никита попытался небрежно махнуть рукой, стражница гардероба смерила его взглядом следователя по особо важным делам и ледяным тоном велела застегнуть верхнюю пуговицу. В бюро оформления читательских билетов мажора ждал второй удар. Вместо привычного сканирования лица и электронной подписи на экране планшета строгая женщина в синем форменном жакете придвинула к нему стопку бумажных анкет и деревянную перьевую ручку с металлическим пером «звездочка».

Беркутов, отвыкший писать от руки еще в средней школе, двадцать минут корябал шероховатую бумагу, поминутно сажая фиолетовые чернильные кляксы и пачкая подушечки ухоженных пальцев.

Но самым мучительным испытанием для блогера-миллионника стал пункт библиотечного устава о средствах мобильной связи.

— Полное отключение питания, — отчеканила дежурная, указывая сухим пальцем на настенный плакат с перечеркнутым телефонным аппаратом. — Не беззвучный режим — полное выключение устройства и помещение на дно сумки. Пользование гаджетами в читальных залах категорически запрещено. За нарушение — немедленное изъятие пропуска.

Никите пришлось с тяжелым вздохом нажать кнопку выключения своего новенького смартфона. Черный экран погас. Парень убрал аппарат на самое дно кожаного рюкзака, ощутив себя абсолютно голым посреди враждебного океана. Его пальцы в пустом кармане брюк продолжали судорожно дергаться каждые тридцать секунд, рефлекторно ища привычный гладкий корпус и реагируя на фантомные вибрации несуществующих уведомлений.

Получив заветный ламинированный прямоугольник читательского билета, Никита поднялся по парадной беломраморной лестнице и тихонько просочился в зал каталогов.

Я услышала его приближение задолго до того, как увидела.

Человек, привыкший к реву моторов, громкой клубной музыке и постоянному крику в микрофон, совершенно не умеет ходить в помещениях с вековой акустикой. Никита старался ступать бесшумно, почти на цыпочках, но массивные наборные половицы из расколотого дуба под подошвами его ботинок издавали предательский, скрипучий стон при каждом шаге. Пожилые читатели за столами недовольно морщились и хмуро оглядывались на нарушителя покоя.

Чтобы оправдать свое бесцельное топтание вдоль каталожных комодов, Никита наугад выдернул из открытого пристенного шкафа первую попавшуюся тяжелую книгу. Это оказался монументальный фолиант в парусиновом переплете — фундаментальный справочник по западноевропейской филигранологии и водяным знакам шестнадцатого века весом не меньше четырех килограммов.

Прижимая эту полиграфическую громадину к груди обеими руками, Беркутов на цыпочках подкрался к моему рабочему столу.

Напротив конторки стоял массивный дубовый стул с высокой резной спинкой. Прижав книгу локтем к груди, Никита взялся за деревянный поручень и потянул стул на себя.

Раздался душераздирающий, протяжный визг деревянных ножек по неровному лакированному паркету. Звук вышел настолько пронзительным, что в тишине зала он прозвучал подобно скрежету циркулярной пилы по ржавому железу. Профессор у окна выронил карандаш.

Я медленно замерла. Моя правая рука с очередной карточкой зависла в воздухе. Я глубоко вздохнула, сосчитала про себя до трех, чтобы вернуть лицу абсолютную невозмутимость, и подняла глаза.

Поверх круглой металлической оправы очков я увидела Никиту Беркутова.

Блогер опустился на стул, положил перед собой тяжелый том по филиграням и уставился на меня с выражением мученика, совершившего великий духовный подвиг. Его графитовый джемпер сидел идеально, темные волосы были тщательно уложены, но в карих глазах плескалась откровенная растерянность.

Он откашлялся в кулак, пытаясь придать лицу томное, романтическое выражение светского обольстителя. Однако привычного микрофона рядом не было, кричать в полный голос запрещали строгие правила, а шептать этот человек явно не умел физиологически.

Вместо бархатного, чарующего полупшепота из его пересохшей гортани вырвался сиплый, свистящий звук, до боли напоминающий шипение старого велосипедного насоса с прохудившимся резиновым шлангом.

— Здравствуй, София, — просипел Беркутов, подаваясь вперед через край столешницы. От волнения и скованности его шея неестественно вытянулась, а кадык судорожно дергался. — Я пришел сюда законным путем. Без камер. Без шутовства. Я все выходные думал о твоём взгляде. И понял, как был слеп.

Я молча положила карточку в ящик, аккуратно задвинула металлическую скобу фиксатора и перевела холодный взгляд на раскрытую перед ним книгу.

— Вы держите справочник по филиграням вверх ногами, гражданин Беркутов, — произнесла я ледяным, безупречно артикулированным шепотом, не повышая голоса даже на четверть тона. — И ваше дыхание создает турбулентность, поднимающую микрочастицы пыли на карточки алфавитного указателя. Если у вас есть конкретный библиографический запрос, заполните листок требований. Если запроса нет, читальный зал открыт для самостоятельного изучения литературы за индивидуальными столами.

Никита судорожно перевернул тяжелый фолиант в правильное положение, едва не прищемив пальцы массивной крышкой переплета. На его щеках проступили предательские розовые пятна.

— Подожди ты со своими требованиями, — снова засвистел он, отчаянно пытаясь вернуть инициативу и пустить в ход заготовленное с вечера секретное оружие. — Послушай меня. Я же вижу, какая ты тонкая, какая глубокая натура. Ты живешь среди великих строк. И я хочу говорить с тобой на твоём языке. На языке вечной поэзии.

Он прижал ладонь к груди, судорожно сглотнул слюну и начал декламировать заученный наизусть фрагмент, который накануне в панике выискивал в сети по запросу о самых глубоких стихах серебряного века.

Но от дикого волнения, пересохшего горла и панического страха быть услышанным грозной заведующей Никита окончательно потерял контроль над собственной памятью.

— Не выходи из комнаты, не совершай ошибку, — зашептал он сбивчиво, спотыкаясь на каждом втором слове и безбожно ломая классический стихотворный размер. — Зачем тебе солнце, если вокруг темнота и нет просвета? Зачем выходить на улицу, когда внутри тепло и играет радио? Светить всегда, светить везде, до дней последних донца! Светить, и никаких гвоздей, вот лозунг мой и солнца!

В зале повисла неловкая, почти осязаемая тишина.

Беркутов замер с полуоткрытым ртом. Его мозг, перегруженный попыткой скрестить меланхоличную, сложную философию Иосифа Бродского с прямолинейным агитационным напором раннего Владимира Маяковского, явно дал системный сбой. Мочки его ушей вспыхнули ярко-малиновым пламенем. На высоком лбу выступила мелкая испарина. Он понял, что сморозил несусветную глупость, но отступить было некуда.

— А еще, — добавил он совсем жалобным, сиплым шепотом, пытаясь спасти положение остатками школьных воспоминаний, — поэзия включает в твоём сердце свет. И мир вокруг станет красивее.

Глава 4

Я продолжала смотреть на него сквозь круглые стекла своих очков. Мое лицо оставалось абсолютно неподвижным, лишь левая бровь медленно, выразительно поднялась к самому краю челки.

Из противоположного конца зала донеслось ритмичное, зловещее постукивание. Тамара Ильинична, сидевшая за центральной профессорской кафедрой, выбивала ногтями по полированному дереву дробь, напоминающую стук барабана перед казнью на плацу. Ее седые букли угрожающе подрагивали под шерстяной шалью.

Я неторопливо поднялась из-за стола.

Мои движения были плавными, почти гипнотическими. Шерстяная юбка мягко коснулась края дубовой панели. Я развернулась к служебным полкам открытого фонда, где стояли основные лингвистические пособия для сотрудников зала. Мой взгляд скользнул по золоченым корешкам и остановился на массивном, кирпично-красном томе академического издания в тяжелом ледериновом переплете.

Я сняла книгу двумя руками, чувствуя приятную тяжесть качественной бумаги.

Вернувшись к конторке, я подняла фолиант над столешницей и с коротким, глухим, гулким звуком опустила его прямо перед носом опешившего блогера. От удара массивного переплета о вековой дуб во все стороны взметнулось крошечное, полупрозрачное облачко книжной пыли.

Золотое тиснение на темно-красной обложке сверкнуло в свете зеленой лампы четкими буквами — «Орфоэпический словарь русского языка».

Я наклонилась вперед, приблизившись к лицу Беркутова настолько близко, что он мог разглядеть каждую крапинку в радужке моих серо-зеленых глаз. До его носа долетел легкий аромат лавандового мыла и сухой бумаги.

Мой шепот прозвучал холоднее ноябрьского заморозка.

— Гражданин Беркутов, — произнесла я, чеканя каждый слог с математической безупречностью. — Попытка насильственно скрестить Бродского с Маяковским в присутствии портрета Анны Ахматовой тянет на тяжкое преступление против мировой словесности. Но поставить ударение в слове «включит» на первый слог, а слово «красивее» произнести с интонацией продавца тухлой селедки на привокзальной площади — это повод для немедленной санитарной обработки помещения.

Никита сидел ни жив ни мертв, боясь моргнуть.

— Откройте страницу сорок два, — продолжила я, постучав кончиком ногтя по красной обложке словаря. — И учите нормы литературного ударения до наступления темноты. И не смейте раскрывать рот в моем присутствии, пока не научитесь правильно дышать диафрагмой и отличать поэму от рекламного слогана соевого батончика.

Я выпрямилась, со звонким, победным щелчком задвинула каталожный ящик на всю глубину комода, сняла с латунного крючка пластиковую табличку «Технический перерыв пятнадцать минут» и поставила ее на конторку.

Затем, не удостоив окаменевшего мажора даже мимолетным прощальным взглядом, я развернулась и легким, стремительным шагом покинула зал каталогов, оставив Беркутова наедине с тяжелым словарем и уничтожающим взглядом Тамары Ильиничны.

Технический перерыв в пятнадцать минут был моим законным убежищем, единственной возможностью сбросить духоту замкнутого пространства и вдохнуть свежего воздуха.

Я накинула в гардеробе строгое шерстяное пальто темного бутылочного оттенка, повязала на шею мягкий шарф крупной вязки и вышла через массивные дубовые двери парадного входа на Воздвиженку.

Октябрь в тот день дышал настоящим предзимним холодом. Сухой, порывистый ветер кружил над гранитными плитами хороводы палой листвы, срывая с веток последние золотые и багряные кленовые листья. Серое московское небо нависало над крышами тяжелыми свинцовыми пластами. У подножия библиотеки царил привычный ритм столичного центра — шумел бесконечный поток автомобилей, торопились по делам прохожие, пряча лица в воротники.

На углу сквера, возле чугунной ограды, стоял крошечный деревянный ларек с травяными настоями и монастырским сбором. Я купила высокий бумажный стаканчик с обжигающим отваром чабреца, мяты и сушеной ромашки. Горячий, горьковатый пар поднимался над картонной крышечкой, приятно согревая озябшие пальцы. Круглые стекла моих очков слегка затуманились по краям от теплого дыхания, но я не стала их протирать, наслаждаясь моментом одиночества.

Я неторопливо пошла по широкой аллее сквера к бронзовому монументу Достоевскому. Великий писатель угрюмо и скорбно взирает на суетливый город со своего массивного гранитного постамента, кутаясь в бронзовые складки пальто. Возле памятника было безлюдно. Я сделала первый глоток, зажмурившись от терпкого, согревающего вкуса трав, чувствуя, как напряжение утренней перепалки постепенно отпускает плечи.

Топот за спиной раздался внезапно.

Кто-то бежал по гранитной дорожке, шумно и прерывисто дыша, не жалея дорогих кожаных подошв.

— Лебедева! — раздался за спиной знакомый, сорванный голос. — Стой, кому говорят! Я медленно опустила стаканчик с чаем и обернулась.

Ко мне несли Никита Беркутов. Пальто его распахнулось от быстрого бега, открывая серый джемпер, темные волосы растрепал ледяной ветер, а в глазах полыхала смесь дикой досады, раненой гордости и мальчишеского упрямства. Он остановился в двух шагах от меня, тяжело опираясь ладонями о колени и пытаясь восстановить сбитое дыхание. Из его рта вырывались густые белые клубы пара.

— Ты... ты специально это сделала? — выдохнул он, выпрямляясь и глядя на меня сверху вниз. — Ты надо мной просто издеваешься, да? Страница сорок два! Словарь ударений! Ты видела, как эта твоя старуха в шали на меня смотрела? Она же меня взглядом готова была расстрелять без суда и следствия!

Я сделала еще один неторопливый глоток обжигающего сбора. Чабрец приятно ожег кончик языка.

— Во-первых, гражданин Беркутов, соблюдайте приличия, — сухо произнесла я, поправляя шарф на шее. — Тамара Ильинична — ведущий специалист страны по рукописям семнадцатого века, заслуженный работник культуры и человек безупречной внутренней дисциплины. А во-вторых, здесь открытое общественное пространство. Здесь вы можете кричать в полный голос, махать руками и использовать любые доступные вам интонации. Библиотечный устав за пределами гранитного крыльца не действует.

— Да плевать мне на устав! — взорвался Никита, делая шаг вперед. Его щеки пылали от холодного ветра и внутреннего жара. — Хватит со мной разговаривать как с глупым двоечником! Я к тебе пришел по-человечески! Без камер, без хайпа, без понтов! Я полчаса в очереди стоял, чтобы этот чертов билет получить! Я пальцы чернилами измазал, как первоклассник в прошлом веке! Стихи тебе читал! А ты на меня ведро помоев вылила и словарь на стол швырнула!

— Стихи? — я позволила себе едва заметную, ледяную улыбку. — Вы называете стихами чудовищную кашу из несчастного Бродского и плакатов Маяковского? Вы даже не поняли смысла ни одной из тех строчек, которые пытались воспроизвести. Вы просто нахватили обрывков из интернета в надежде произвести впечатление.

— Да какая разница, кто автор! — в отчаянии взмахнул руками блогер. — Смысл был в том, что я хотел сделать тебе приятное! Хотел показать, что уважаю твой мир!

— Вы не уважаете мой мир, Беркутов, — сказала я. Он уже набрал воздуха для возражения; я выдержала его взгляд, и возражение так и осталось при нем. — Вы его презираете. Для вас наша библиотека — скучное, мертвое место, населенное чудаками и неудачниками. Вы привыкли существовать в яркой неоновой пене, где ценность человеческой жизни измеряется количеством чужих пальцев, ткнувших в экран смартфона. Где глупость продается дороже таланта, а наглость считается высшей доблестью. В моем мире ценность измеряется совершенно иными категориями. Тем, сколько веков проживет спасенная от тления страница. Тем, какая мысль заложена в старинную рукопись. Вы абсолютно пусты, Никита. За вашим дорогим кашемиром, красивой улыбкой и миллионами подписчиков нет ничего, кроме раздутого эго. Вы для меня — просто назойливый шум. Пустое место.

Мои слова хлестнули его сильнее любой физической пощечины. Я видела, как дернулось его лицо, как его кулаки натянули ткань карманов пальто. Краска схлынула с его щек, уступив место глухой, яростной бледности.

— Пустое место? — отдельно, с угрожающей хрипотой переспросил он, нависая надо мной. — Ты думаешь, я только языком молотью умею? Думаешь, я комнатное растение, маменькин сынок, который без кредитки шагу ступить не способен? Да я с шестнадцати лет каждое

лето на стройках у отца горбатился! Кирпичи разгружал, бетон месил, растворные ящики таскал на пятый этаж, пока мои сверстники по клубам тусовались! Я умею работать руками так, как ни один твой очкастый профессор в жизни не работал! Я могу принести реальную, осязаемую пользу, если захочу!

Я замерла, держа стаканчик с чаем у самого подбородка.

В глубине моей души что-то мгновенно щелкнуло. Расчетливая, острая мысль пронзила сознание с точностью часового механизма.

Утром, еще до появления Беркутова в каталожном зале, в кабинете Тамары Ильиничны состоялось тяжелое, нервное совещание. Через три недели в библиотеку прибывала высокая комиссия Министерства культуры с генеральной инспекцией гранта по консервации раритетных фондов. В нижних ярусах запасников скопились сотни тяжелых архивных коробок из бескислотного картона со старопечатными книгами петровской и допетровской эпохи. Фолианты требовали срочной механической очистки, удаления вековой пыли специальными вакуумными насадками, перекладки микалентной бумагой и перемещения на верхние металлические стеллажи. Работа была адски тяжелой, грязной и монотонной. Штатные реставраторы валились с ног от усталости, а свободных мужских рук в секторе не было вовсе.

Я медленно опустила бумажный стаканчик. На моих губах появилась тонкая, ядовитая улыбка, которую Беркутов в своем слепом запале расшифровать не сумел.

— Реальную пользу, говорите? — произнесла я, чуть склонив голову набок. — Звучит весьма самонадеянно для человека, чьим главным жизненным достижением является кривляние перед объективом телефона.

— Не веришь? — прорычал он, глядя на меня в упор. — Проверь! Дай мне любое задание! Хоть ящики таскать, хоть полы мыть! Я докажу тебе, что стою больше, чем вся твоя книжная пыль!

— Что ж, ловить мужчин на слове — моя давняя слабость, — холодно отозвалась я. — Нашему фонду как раз катастрофически не хватает крепких рабочих рук. Безмолвных, дисциплинированных и готовых к тяжелому физическому труду. Вы действительно готовы доказать свою состоятельность делом? Без съемочных групп, без прямых эфиров и без права на жалобы?

— Веди, — отрезал Беркутов, выпрямляя широкие плечи. — Куда идти?

— За мной.

Глава 5

Мы вернулись в здание библиотеки через боковой служебный вход, миновали бесконечные полутемные коридоры с высокими сводами и поднялись на второй этаж к массивной дубовой двери с медной табличкой сектора редких книг.

Кабинет Тамары Ильиничны больше напоминал неприступную цитадель инквизиции семнадцатого века. Вдоль стен до самого лепного потолка высились тяжелые шкафы темного ореха, заполненные инкунабулами и каталогами. В углу чернел дореволюционный кованый сейф с массивными навесными замками. За огромным письменным столом, покрытым зеленым сукном, восседала сама заведующая. Ее монументальная фигура в толстой пуховой оренбургской шали казалась высеченной из гранита. В свете бронзовой настольной лампы ее седые букли отливали серебром, а тяжелый взгляд поверх очков в черепаховой оправе мгновенно заставил вошедшего Никиту невольно втянуть голову в плечи.

— Софья Андреевна, — раздался низкий, трубный бас заведующей, от которого тонко звякнул хрустальный графин на полке. — По какому поводу вы привели в мой кабинет этого... возмутителя общественного спокойствия? Он пришел оплатить повреждение каталожного шкафа?

— Нет, Тамара Ильинична, — я шагнула к столу, положив на зеленое сукно чистый бланк официального волонтерского соглашения. — Гражданин Беркутов осознал недопустимость своего пятничного поведения. Более того, узнав о сложнейшей ситуации с подготовкой нижнего хранилища к министерской инспекции, он изъявил добровольное желание оказать сектору безвозмездную физическую помощь.

Брови Тамары Ильиничны медленно поползли вверх, превратившись в две суровые мохнатые дуги. Она смерила блогера долгим, тяжелым взглядом, задержавшись на его дорогом кашемировом джемпере и ухоженных руках.

— Физическую помощь? — протянула она с глубоким сомнением. — Этот комнатный щеголь? Он же надорвется на первой пачке скорописных грамот.

— Я не щеголь, — твердо заявил Никита, стиснув кулаки. — Я готов работать.

Тамара Ильинична издала долгий, протяжный вздох, похожий на шелест вековых дубрав перед грозой. Затем придвинула к себе деревянную чернильницу.

— Прекрасно, — отчеканила она, словно зачитывая приговор военно-полевого суда. — Сорок часов исправительного волонтерского труда в нижнем ярусе книгохранилища. Вход строго в восемь сорок пять утра. Опоздание на одну минуту — немедленное аннулирование договора с составлением акта о нарушении дисциплины. Форма одежды — серый хлопчатобумажный халат и нитяные перчатки.

Она сделала паузу, буравя парня ледяным взглядом.

— Далее. Мобильный телефон перед началом каждой смены сдается дежурному коменданту под личную роспись и запирается в опечатанный сейф до конца рабочего дня. Никаких звонков, никаких сообщений, никаких экранов. В хранилище соблюдается режим абсолютной тишины. Малейший шум, вздох громче положенного или попытка завести праздный разговор караются изгнанием. Все работы проводятся под прямым руководством и надзором Софьи Андреевны. Она ваш непосредственный начальник. Каждое ее слово для вас — закон. Вопросы есть?

Никита сглотнул вставший в горле сухой ком, бросил на меня быстрый, колючий взгляд и покачал головой.

— Вопросов нет.

— Распишитесь, — Тамара Ильинична обмакнула массивную деревянную ручку в чернила и протянула ее парню.

Беркутов взял перо непривычно напряженными пальцами и поставил размашистую, нервную подпись в нижней графе документа. Заведующая придвинула бумагу к себе, вынула из деревянной шкатулки тяжелую латунную печать с гербом учреждения и с гулким, каменным стуком припечатала фиолетовый оттиск к листу.

— Завтра в восемь сорок пять у служебного входа, Беркутов, — произнесла я, забирая подписанный экземпляр. — И не забудьте коротко остричь ногти. Старинная бумага требует предельного уважения.

О сообщении, которое ждало его на выходе, он рассказал мне потом. Спустя десять минут Никита спускался по широким гранитным ступеням главного входа на продуваемую всеми ветрами Воздвиженку. В руках он сжимал желтую копию волонтерского предписания. Осенний холодный воздух хлестал по лицу, но внутри у парня все клокотало от бешеного эмоционального перегруза.

Он сунул руку в карман пальто, нащупал выключенный телефон и зажал кнопку питания.

Экран вспыхнул белым логотипом, и в ту же секунду аппарат буквально зашелся в яростной, непрерывной вибрации. Десятки пропущенных вызовов от продюсеров, сотни уведомлений из социальных сетей и свежее сообщение от Макса, пришедшее ровно три минуты назад.

«Катер уже отогнали на предпродажную полировку корпуса, мажор. Готовь ключи и документы. До твоего полного позора в прямом эфире осталось тридцать дней».

Беркутов замер на ветру посреди шумной московской улицы. Его челюсти сжались с такой силой, что в висках застучала кровь. Он посмотрел на массивный каменный фасад старинной библиотеки, на темные окна хранилищ, за которыми прятался чужой, пугающий и недостижимый мир строгой девушки в круглых очках.

Затем снова нажал боковую кнопку телефона, решительно погружая светящийся экран в спасительную, мертвую тьму.

Первый раунд остался за тишиной. Но впереди нас ждали сорок часов в полумраке закрытых архивов.

Дождь хлестал по гранитному парапету Воздвиженки с самого рассвета, превращая столичный асфальт в мутное зеркало. В цокольном этаже библиотеки, где располагался служебный пропускной пункт и вход в закрытые фонды, пахло сыростью, старым сукном и машинным маслом из шахты грузового подъемника. Я стояла за тяжелой металлической конторкой дежурного, методично поправляя круглую проволочную оправу очков, и сверяла свежие инвентарные бланки. Рядом на дубовом стуле с высокой спинкой царственно восседала Тамара Ильинична. Ее толстая серая оренбургская шаль внушительно топорщилась на плечах, а тяжелый взгляд поверх роговых очков предвещал неминуемую расправу любому, кто осмелится нарушить монастырский покой книжного царства.

Стрелка настенных механических часов в круглой латунной оправе дернулась и замерла на восьми сорока пяти.

Тяжелая дубовая дверь, обитая потемневшей кожей с медными шляпками гвоздей, распахнулась настежь. С улицы ворвался порыв холодного сквозняка, принесший запах мокрых кленовых листьев и бензиновую гарь Садового кольца. На пороге возник Никита Беркутов.

Он явился именно так, как привык появляться перед экранами своих миллионов зрителей. Белоснежные кроссовки на массивной подошве сияли первозданной чистотой. Казалось, он шагнул вовсе не по слякоти московского переулка. Казалось, он только что спустился на пушистом облаке прямо к гранитным ступеням. Объемный бархатный свитшот с золотым тиснением на груди громко заявлял о цене наряда, а черные узкие очки надежно прятали глаза от тусклого электрического света подвального холла. Парень широко улыбнулся, показав безупречно ровные зубы, и шагнул вперед пружинистой походкой баловня судьбы.

— Доброе утро, обитель премудрости, — пропел он своим поставленным, звонким голосом, от которого жалобно звякнул граненый графин на конторке. — Волонтер Беркутов пришел нести свет просвещения в массы. Где тут у вас расписаться за спасение мировой культуры?

Тамара Ильинична медленно подняла голову. Ее седые булки замерли в монументальном оцепенении. Она не произнесла ни звука, но воздух в холле мгновенно потяжелел на пару атмосфер.

— Голос тише, Беркутов, — произнесла я ледяным шепотом, не поднимая глаз от журнала учета. — В этих стенах голос подают только по предварительному письменному запросу. И очки снимите. Здесь подвал, а вовсе не пляж на Лазурном берегу.

Никита хмыкнул, сдвинул темные стекла на макушку и оперся локтями о полированный металл стойки. От него пахло дорогим парфюмом с отчетливыми нотами сандала и горького цитруса.

— Лебедева, ты сегодня еще строже обычного. Прямо инквизитор в шерстяном кардигане. Я, между прочим, встал в семь утра. Пропустил тренировку, отменил завтрак с продюсером и приехал сюда на общественном транспорте. Оцени жертву во имя отечественной словесности.

— Подвиг государственного масштаба, — отозвалась я, придвигая к нему толстый журнал в коленкоровом переплете. — Распишитесь в графе прибытия. И приготовьтесь к досмотру.

— К какому еще досмотру? — насторожился он, прищулив карие глаза.

Я молча постучала кончиком деревянного карандаша по дверце металлической ячейки камеры хранения под номером семнадцать.

— Правило номер один нашего соглашения, волонтер Беркутов. Полная цифровая детоксикация. Выкладывайте смартфон, смарт-часы, беспроводные наушники и любые электронные накопители. Здесь закрытый фонд редких изданий. Вся ваша виртуальная свита остается за порогом.

Улыбка Никиты дрогнула. Его правая рука машинально дернулась к карману брюк, судорожно нащупывая очертания новенького аппарата в золотистом корпусе.

— Лебедева, ты шутишь? Мне через два часа должен позвонить рекламный агент по контракту на напитки. Если я пропущу звонок, сделка сгорит. Давай я просто выключу звук и положу его экраном вниз на твой стол. Честное слово стримера, даже пальцем не прикоснусь.

— Слово стримера в нашем учреждении не принимается в качестве залога, — отчеканила я, скрестив руки на груди. — Либо вы сдаете аппаратуру в сейф прямо сейчас, либо я ставлю в карточке отметку об отказе от выполнения волонтерских обязательств. И через сорок минут наш протокол о нарушении общественного порядка отправится в канцелярию мирового суда. Вместе со свежим видеоматериалом.

Никита сдавленно выругался сквозь зубы, но быстро прикусил язык под испепеляющим взглядом Тамары Ильиничны. Он медленно достал из кармана тяжелый золотистый брусok телефона, отстегнул от запястья титановый браслет хронометра, вынул из ушей миниатюрные белые капсулы и с неприкрытой тоской опустил все это богатство на резиновую подстилку ячейки.

— Довольна, валькирия архивного дела?

Я повернула ключ в замке. Раздался сухой, тяжелый щелчок. Тамара Ильинична протянула пухлую руку, забрала ключ с массивной латунной биркой и опустила его в глубину своего бездонного кармана.

— Свободен до семнадцати ноль-ноль, молодой человек, — прогудела заведующая глубоким контральто, от которого у Никиты мелко задрожали ноздри. — Софья Андреевна, ведите подопечного в подсобку. И оденьте его по форме. Нам тут франтов в белых штиблетах не требовалось.

Мы прошли по узкому выбеленному коридору к служебным шкафам. Никита шел следом, и я краем глаза видела, как он каждые десять секунд хлопает ладонью по правому бедру. Фантомный зуд отнятого экрана буквально выкручивал ему пальцы. Он выглядел потерянным в своей кричащей одежде, оставшись без привычного цифрового щита.

В подсобке я открыла скрипучий створчатый шкаф и достала служебное обмундирование.

— Примеряйте.

Никита принял из моих рук тяжелый сверток и с сомнением развернул его двумя пальцами. Перед ним предстал плотный серый хлопчатобумажный халат самого большого размера с завязанными на узлы вылинявшими тесемками на спине, клеенчатый фартук темно-коричневого цвета со следами засохшего клея и пара простых серых нитяных перчаток.

— Это спецодежда дезинсектора? — спросил он, оглядывая серые складки. — Вы меня в чумной барак отправляете?

Глава 6

— Это рабочая форма реставрационной службы, Беркутов. Защищает фонд от микрочастиц вашей уличной пыли, а вашу брендовую кофту от архивного грибка и сажи. Надевайте, не заставляйте меня ждать.

Вздыхнув с обреченностью каторжника, блогер натянул серый халат поверх бархатного свитшота. Халат сел на него бесформенным мешком. Плечи обвисли, широкие полы доставали почти до щиколоток, скрывая белоснежные кроссовки. Я зашла ему за спину и сноровисто затянула грубые тесемки на поясище и шее, едва сдерживая победную улыбку.

Никита повернулся к мутному зеркалу, висевшему возле умывальника. Он долго вглядывался в свое отражение, провел ладонью в нитяной перчатке по растрепавшимся волосам и тихо покачал головой.

— Если Макс увидит эту картину, он выкупит снимок за любые деньги и повесит на фасаде клуба. Я похож на беглого санитара из районного диспансера.

— Вы выглядите как человек, способный принести обществу хоть каплю реальной пользы, — парировала я, вручая ему защитный фартук. — Повязывайте фартук и шагайте за мной. Нас ждет третий ярус закрытого книгохранилища.

Мы спустились по винтовой чугунной лестнице в самую глубину библиотечных подземелий. Ступени мерно звенели под подошвами, вокруг смыкались кирпичные своды екатерининских времен, пахнувшие сухой известью, старым деревом и непередаваемым, густым ароматом сотен тысяч пожелтевших страниц. Здесь царила абсолютная, вековая тишина. Любое движение, любой шорох отдавались долгим гулким эхом под сводами.

На третьем ярусе стояли бесконечные ряды высоких стеллажей из черного крашеного железа. Решетчатый пол позволял видеть сквозь перекрытия нижний этаж, создавая странное чувство парения над книжной пропастью.

Сначала мы подошли к боковому верстаку в торце галереи. Там стояла небольшая электрическая плитка и эмалированная кастрюля с водой.

— Перед тем как браться за книги, волонтер Беркутов, приготовим связующий состав. Сегодня нам понадобится свежий реставрационный клей. Будем варить натуральный пшеничный клейстер на водяной бане.

Никита с недоверием уставился на пакет пшеничного крахмала и стеклянную банку с дистиллированной водой.

— Вы варите клей из каши? В двадцать первом веке? Существуют же полимеры, синтетические смолы, суперклеи в тюбиках.

— Суперклеем вы можете склеивать сломанные очки в переходе, — оборвала я его умничанье. — В реставрации действует закон обратимости. Любой материал должен сниматься без вреда для старинных волокон через сотни лет. Пшеничный крахмал варится на водяной бане при постоянном помешивании деревянной лопаткой. Никаких комков. Однородная полупрозрачная масса. Берите лопатку и следите за нагревом.

Никита взялся за деревянную ручку. Вода в нижней кастрюле закипела, поднимая густой пар. Запахло нагретым крахмалом. Парень склонился над миской, усердно взбивая густеющую жижу. Но стоило ему отвлечься на скрип чугунной лестницы вдали, как капля кипящего состава брызнула ему на край рукава.

— Черт побери, горячо! — громко вскрикнул он, отдергивая руку.

Я коршуном метнулась к нему, сжала его локоть сквозь плотный халат и зашипела так свирепо, что пар над кастрюлей словно замер.

— Замолчи немедленно! Здесь стены слышат каждый шорох! Если Тамара Ильинична услышит твои вопли, она заставит тебя переписывать устав библиотеки гусиным пером от руки!

Никита прикусил губу, испуганно округлив глаза. Мы стояли вплотную друг к другу, склонившись над кипящей водяной баней. Его прерывистое дыхание обжигало мне лоб, а пальцы под нитяной перчаткой нервно сжимали край столешницы. На липких пальцах белели засохшие потеки мучного клейстера.

— Я просто обжегся, Лебедева, — прошептал он одними губами, едва сдерживая досаду. — Ты дрессируешь меня хуже служебного пса.

— Покажите руку.

Я проверила кожу под рукавом: покраснела, но пузыря не было. Мы подержали запястье под прохладной водой, и только потом я вернулась к плитке.

— Снимайте кастрюлю на подставку. Клейстер готов. Теперь переходим к главному фронту работ.

Я подвела его к дальнему тупику галереи. Возле вентиляционного короба громоздился аварийный завал. Тридцать огромных архивных коробов из толстого серого картона, набитых массивными фолиантами в кожаных переплетах, высились друг на друге в три ряда.

— Вот ваша задача. После ремонта вентиляционной шахты рабочие сгрузили сюда фонд церковно-приходских ведомостей конца восемнадцатого века. Берете коробку, аккуратно переносите к свободному стеллажу, достаете каждый том, обмахиваете корешок и обрезы мягкой бархоткой и расставляете на нижние полки строго по хронологии и инвентарным номерам.

Никита наклонился к первой коробке, ухватился за прорези по бокам и попытался поднять ее одним рывком. Картон затрещал, парень крикнул от неожиданности, и коробка с глухим стуком плюхнулась обратно на настил.

— Сколько она весит? Пуд?

— Двадцать два килограмма, — уточнила я, показав на пометку в описи. — Лучше подхватите снизу: ручки старые. — Бумага ручного тряпичного литья и дубовые доски в переплетах весят порядочно. И помните главное правило. Тишина. Уроните фолиант или загремите полкой, заведующая лично спустится сюда с актом о срыве волонтерства.

Никита скрипнул зубами, подобрался, опустил на корточки и с заметным усилием поднял коробку на уровень груди. Мышцы под серым халатом натянулись. Он дотащил груз до стеллажа, бережно опустил на решетку и снял картонную крышку.

Густое, плотное облако вековой архивной пыли взметнулось в воздух, закружившись в косом луче дежурной лампы.

Никита замер. Его глаза расширились, брови полезли на лоб, а ноздри судорожно дрогнули. Мельчайшие частицы двухсотлетней бумаги и истлевшей кожи попали ему в нос, щекоча чувствительную слизистую оболочку избалованного столичного носа.

— А-а-ап... — начал он, раздувая щеки.

Я шагнула к нему, вцепилась в его плечо и яростно зашептала прямо в ухо.

— Только посмей чихнуть вслух, Беркутов! Задушу собственноручно! Здесь акустика как в органном зале!

Парень выпучил глаза, судорожно зажал нос двумя пальцами в серых перчатках и присел на корточки. Все его тело затряслось в беззвучной конвульсии. Он краснел до корней волос, надувал щеки, мотал головой, его плечи под халатом ходили ходуном. Из зажмуренных глаз брызнули крупные слезы. Он боролся с собственным телом с таким отчаянием, словно держал в руках мину с выдернутой чекой.

Наконец, не выдержав чудовищного напора, он уткнулся лицом в широкую складку собственного рукава и издал глухой, сдавленный хлопок.

— Пф-ф-х!

Звук получился приглушенным, но волна облегчения мгновенно смыла напряжение с его пылающего лица. Он опустил на колени прямо на решетчатый пол, жадно глотая воздух открытым ртом и утирая слезы рукавом.

Я протянула ему влажную салфетку.

— Кажется, ваша корона только что вдохнула восемнадцатый век. Дышите ртом, Беркутов. Нос в архиве — главный предатель.

— Лебедева... ты безжалостный надзиратель, — просипел он, промокая покрасневшие веки. — У меня чуть барабанные перепонки не лопнули. Почему вы не выдаете людям респираторы?

Я посмотрела на его слезящиеся глаза, потом на повязку, которую сама же забыла выдать. Отличный надзиратель, нечего сказать.

— Мое упущение, — признала я и принесла из подсобки запечатанный респиратор. — Наденьте. Еще двадцать девять коробок, а запасного волонтера у меня нет.

Следующие три часа превратились для мажора в суровую школу смирения. Он перетаскивал тяжелые картонные кубы, аккуратно вынимал потемневшие кожаные тома с медными застежками, усердно обмахивал бархоткой каждый корешок. Серый халат покрылся темными полосами сажи, на подошвах кроссовок лежал толстый слой серого налета, а на лбу блестели крупные капли пота. Руки были испачканы засохшим клейстером вперемешку с архивной пылью.

Я работала рядом, сверяя шифры по каталожной описи. Несколько раз я ловила на себе его угрюмый, воспаленный взгляд. Он явно ждал, что я предложу перерыв или позволю перевести дух на ступеньках. Но я держала лицо бесстрастной каменной маски. Малейшая поблажка вернула бы ему прежнее высокомерие, а мне хотелось выбить из него остатки спеси до единой крошки.

Когда последняя коробка встала на нижнюю полку, Никита без сил привалился спиной к чугунной стойке стеллажа.

— Все. Моя спина вышла из чата. Поясница требует адвоката и горячую ванну.

— Не придумывайте лишних драм, — отозвалась я, захлопывая папку. — Физический труд возвращает человека к реальности. Но нам нужно завершить еще одно важное дело на этом ярусе.

Я подошла к высокой дубовой секции в самом конце прохода. Там, на высоте почти трех метров под потолочным сводом, стоял массивный инвентарный том в темно-бордовом сафьяновом переплете. «Свод описей церковного имущества Московской епархии за тысяча семьсот восемьдесятый год». Уникальная рукописная книга, требовавшая срочной реставрации корешка.

Я придвинула старую деревянную стремянку с коваными металлическими крючьями на стойках. Ступени из темного вяза давно истерлись подошвами поколений архивистов.

Никита выпрямился, стягивая запыленные перчатки.

— Давай я сниму. Ты до нее даже на цыпочках не дотянешься.

— Раритеты подобного уровня требуют профессиональных рук, а вовсе не блогерской хватки, — холодно отстранила я его, ставя ногу на первую ступеньку. — Придерживайте основание стойки и следите, чтобы она не скользила. Это все, что от вас требуется.

Я поднялась на вторую ступеньку, затем на третью. Дерево под подошвами жалобно и протяжно скрипело. На четвертой ступени я потянулась вверх, ощущая легкое головокружение от высоты и спертого подвального воздуха. До верхней полки оставалось полметра.

Никита стоял внизу, обеими руками вцепившись в боковые брусья стремянки. Его лицо вдруг стало предельно собранным.

— Лебедева, стой, — произнес он негромко, но с непривычной, властной тревогой в голосе. — Верхняя ступенька рассохлась. Вон там, у правого паза, глубокая продольная трещина. Слезай немедленно, я сам достану этот том.

— Я почти достала, — упрямо бросила я, вставая обеими ногами на пятую ступеньку.

Пальцы коснулись шершавой кожи фолианта. Книга была огромной, размером с дорожный чемодан, и весила добрых шесть килограммов. Я потянула ее на себя, сдвигая с полки. Медные застежки глухо звякнули о дерево. В этот миг центр тяжести резко сместился.

Раздался резкий, сухой, оглушительный треск ломающегося сухого дерева.

Верхняя ступенька под моей правой ногой с хрустом раскололась надвое вдоль волокон. Опора мгновенно ушла в пустоту. Стремянка накренилась вбок, теряя сцепление с чугунными плитами пола, и со скрежетом поехала в сторону.

Я вскрикнула, выпустив тяжелый том из рук. Мир перевернулся. Я полетела спиной вниз с двухметровой высоты, видя перед собой лишь удаляющийся сводчатый потолок и золотистую пыль, кружащуюся в свете лампы.

Глава 7

Внизу мелькнуло его поднятое лицо. Никита отпустил стремянку и бросился под меня, раскинув руки. Я успела увидеть, как он зажмурился перед ударом.

Удар получился сокрушительным. Вся моя масса обрушилась прямо на него. Парень глухо охнул, воздух с хрипом вырвался из его груди, но его сильные руки намертво обхватили мою талию и спину, смягчая падение. Сила инерции сбила его с ног. Мы оба кубарем покатились по решетчатому настилу, сбивая на пути пустые картонные коробки, и на полной скорости врезались в сложенную у стены гору плотных упаковочных тюков и мягкой реставрационной ветоши.

Сверху с грохотом рухнула стремянка, ударившись о металл соседнего стеллажа. Спасенный сафьяновый фолиант шлепнулся плашмя на соседний тюк ткани, подняв в воздух целое облако пыли.

Наступила звенящая, густая тишина.

Я лежала плашмя на широкой груди Никиты. Мое лицо находилось буквально в пяти сантиметрах от его губ. Винтажные круглые очки слетели во время удара и валялись где-то в стороне на картоне. Без стекол весь мир расплывался мягкими акварельными пятнами, и единственным четким фокусом оставалось бледное лицо парня под моими ладонями.

Его глаза, обычно насмешливые и самоуверенные, сейчас были широко распахнуты. В них плескался неподдельный, первобытный испуг за меня. Его грудь тяжело вздымалась, толкая меня вверх при каждом вдохе, а сердце колотилось о ребра так бешено и громко, словно готово было вырваться наружу. Я чувствовала этот бешеный стук собственным телом сквозь ткань свитера и халата.

Его ладони все еще намертво сжимали мою талию, прижимая к себе. Пальцы вцепились в ткань с такой силой, словно он боялся отпустить меня хоть на миг. От него пахло раскален-

ным металлом, архивной пылью и тем самым тонким сандаловым ароматом, который теперь смешался с запахом моих растрепанных волос.

Мы не двигались. Время словно застряло в янтарной капле между оседающими пылинками.

В полумраке хранилища я отчетливо видела крошечный шрам у него над левой бровью, темные тени под веками и бисеринки пота на висках. В этот миг в нем не осталось ничего от самодовольной интернет-звезды. Под серым вылинявшим халатом лежал сильный, живой парень, который только что без колебаний принял весь удар на себя, чтобы спасти меня от тяжелой травмы на чугунных плитах.

Его взгляд медленно скользнул от моих глаз к губам. Дыхание Никиты обожгло мою щеку. Он замер, боясь спугнуть это внезапное, пугающее оцепенение.

Кровь мгновенно ударила мне в лицо. Жар залил щеки, шею, уши. Я почувствовала, как слабеют руки, как предательски дрожат пальцы, упирающиеся в его плечи. Нужно было немедленно разрушить этот морок, пока тишина не сделала нас окончательно беззащитными.

Я слотнула пересохшим горлом и произнесла с легкой хрипотцой.

— Беркутов, ты собираешься держать меня до вечера?

Никита моргнул, словно выныривая из темной глубины. Напряжение в его теле чуть отпустило, но руки разжались медленно, неохотно выпуская мою талию. Кривая, непривычно теплая усмешка тронула его губы.

— Вообще-то я только что спас национальное достояние, — прошептал он с легкой хрипотцой. — Могла бы сказать обычное человеческое спасибо вместо допроса.

— Спасибо, — выдохнула я, торопливо опираясь ладонями о его грудь и вставая на дрожащих ногах. — Спасибо, Никита. Ты... не ушибся?

Он поморщился, осторожно повел правым плечом и сел на тюке картона.

— Жить буду. Ребра вроде целы, хотя ты приземлилась с грацией чугунного утюга. Где твои окуляры?

Он пошарил рукой по ветоши, нащупал тонкую круглую оправу моих очков, бережно протер край стекла рукавом халата и протянул мне.

Я надела очки. Мир снова обрел привычные строгие контуры. Мои пальцы мелко дрожали, сердце все еще гулко стучало в висках, а в воздухе между нами продолжало вибрировать странное, тревожное тепло, от которого невозможно было отгородиться никакими правилами фонда.

* * *

После закрытия библиотеки старинные своды окончательно погрузились в густой синий полумрак. Рабочий день завершился, гулкие шаги последних читателей стихли на парадной лестнице, и тишина в здании стала почти осязаемой. Я вела притихшего, взъерошенного Никиту по длинному подземному коридору в самый дальний угол архивного крыла, где пряталась моя служебная каморка-лаборатория.

Я толкнула массивную дубовую дверь с медной табличкой сектора реставрации.

Каморка была крошечной, но удивительно уютной. Низкие кирпичные своды хранили тепло старинной кладки. Вдоль стен тянулся тяжелый деревянный верстак, заставленный стеклянными банками с сухими минеральными пигментами, прессами для сушки книжных блоков, рулонами бескислотного картона и пучками конского волоса для сшивания тетрадей. Здесь витал особый дух, в котором смешались запахи пчелиного воска, очищенного костного клея, льняного масла и сушеных трав. В углу возле дощатой перегородки стояла старая глубокая чугунная раковина с изогнутым латунным краном, позеленевшим от времени у основания.

Я щелкнула тумблером старой настольной лампы под тяжелым зеленым стеклянным абажуром. Комната мгновенно наполнилась мягким, густым янтарным светом, отбросившим теплые блики на корешки справочников.

— Проходи, волонтер. Снимай свое парадное облачение.

Я стянула с себя рабочий фартук, оставшись в просторном бежевом свитере крупной вязки с высоким мягким воротом, и повесила его на деревянный колышек у двери.

Никита с облегчением развязал узлы на спине и стащил серый халат. Под ним открылся помятый дизайнерский свитшот, но сейчас от прежнего лоска мажора не осталось и следа. Его руки от кончиков пальцев до локтей были покрыты черной вьевшейся сажей, на ладонях засохли белые корки мучного клейстера, а на правом предплечье багровела длинная, содранная до сукровицы ссадина. След от сломанной деревянной ступеньки стремянки.

Он подошел к раковине и уставился на свои ладони с искренним недоумением.

— Красота требует жертв, но архивный труд требует донорской пересадки эпидермиса. Мой персональный барбер сейчас упал бы в обморок прямо на свой мраморный пол. Этот маникюр стоил как годовой абонемент в фитнес-клуб.

— Земля и пыль делают человека человеком, Беркутов, — отозвалась я, подходя к умывальнику. — Хватит оплакивать свой гламур. Включай воду.

Никита повернул тугой латунный маховик. В недрах стены глухо загудели трубы, выплюнули порцию ржавого пара, и из крана полилась тугая, прозрачная струя прохладной воды. Парень взял с фаянсовой мыльницы брусок домашнего мыла с сухими цветами лаванды, намылил ладони. Пена мгновенно окрасилась в грязно-серый цвет. Но когда едкая мыльная пленка коснулась содранного предплечья, он зашипел сквозь зубы и резко отдернул руку.

— Жжется, зараза.

— Терпи, герой, — вздохнула я.

Я подошла вплотную, закатала широкие рукава своего свитера до локтей, осторожно взяла его мокрую руку за запястье и направила под струю воды.

Никита замер. Его плечи мгновенно напряглись, но он не отстранился. Мои пальцы, прохладные и привыкшие к тонкой работе со старинными манускриптами, бережно смывали мыльную пену и частицы грязи вокруг раны. Кожа у него на запястье была горячей, под пальцами отчетливо бился частый, сильный пульс.

В тесном пространстве возле раковины мы стояли плечом к плечу. Я слышала, как он сдерживает дыхание, чувствуя каждое движение моих рук.

— Надо же, — произнес он совсем тихо, глядя на наши соединенные под водой руки. — Оказывается, твои пальцы умеют не только размахивать уставом и грозить уголовным кодексом.

— Мои пальцы умеют возвращать к жизни то, что кажется безнадежно испорченным, — ответила я, выключая латунный кран. — И книги, и непутевых блогеров. Держи полотенце.

Я достала из настенного аптечного шкафчика темный стеклянный флакон с хлоргексидином, упаковку стерильных марлевых салфеток и широкий рулон тканевого пластыря.

— Сейчас обработаю. Постарайся не дергаться.

Я смочила салфетку прозрачной жидкостью и осторожно прижала к ссадине. Никита вздрогнул, пальцы его свободной руки судорожно сжались в кулак, но он выдержал процедуру молча, не издав ни звука. Лишь желваки заходили на его скулах. Я промокнула края раны, отрезала ножницами ровную полоску пластыря и аккуратно наклеила поверх поврежденной кожи.

Никита посмотрел на свою заклеенную ссадину, потом поднял взгляд на меня. В его карих глазах больше не было привычной насмешливой дистанции. Там светилось что-то обезоруживающе простое и беззащитное.

— Спасибо, Соня. Правда.

Глава 8

От того, как просто и тепло прозвучало мое имя без всяких язвительных фамилий, у меня внутри словно оборвалась тугая струна. Я торопливо закрыла аптечку, пряча вспыхнувшее смущение за деловитой суетой.

— Не за что. Нам еще чай пить. Садись к верстаку, пока я грею воду.

Никита опустился на круглый деревянный табурет, вытянув длинные ноги. Он обвел взглядом каморку, словно впервые видел нормальное человеческое жилье без неоновых подсветок и штативов.

В углу на массивной доске стоял старый советский электрический чайник с полированным выпуклым боком. Я налила в него свежую воду из хрустального графина и воткнула вилку в розетку. Чайник басовито заурчал, мелко задрожал на деревянной подставке, наполняя комнату уютным нарастающим шумом.

Со шкафа над верстаком я достала пузатую круглую жестянку, расписанную выцветшими лиловыми незабудками и клевером. Крышка поддалась с мягким металлическим чпоканьем. Внутри шуршали сухие мелкие листочки и крошечные фиолетовые соцветия.

— Что это? — с любопытством спросил Никита, пригнувшись к воздуху.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.